

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР.14-17

НЕЗАМЕНИМЫЙ

СТР.20

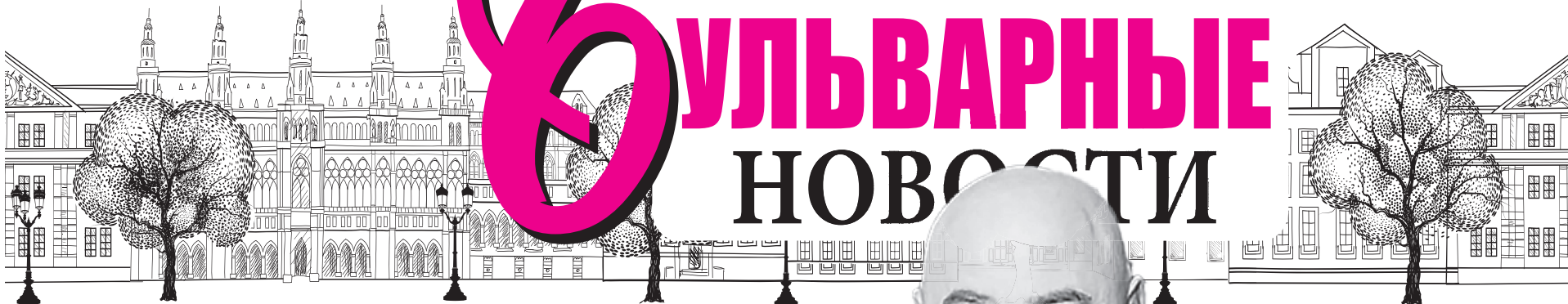
ПРИЩЕЛЬЦЫ

Б

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№16 (201)
АПРЕЛЬ 2024

**БУЛЬВАРНЫЕ
НОВОСТИ**

**ВОТ ТАКОЙ
ВАНЯ КУРСКИЙ**

СТР.4-7

СТР.8-11

**НИ О ЧЕМ
НЕ ЖАЛЕЮ**

НЕЗАМЕНИМЫЙ

Геннадий Норд

Летом семидесятого года прошлого века позвонила моя родная тетя и спросила:

- Хочешь повстречаться с родственником? Тем более, что он артист, и тебе будет интересно.

Родственников у меня, насколько мне рассказывали отец и мать, было очень много. Некоторых я никогда и не видел.

Я только закончил девятый класс, мечтал стать артистом, играл к тому времени в театре, был занят в трех спектаклях.

И я помчался в поселок Отрадное на Балтике, куда приехал отдыхать родственник.

Его я нашел на пляже и сразу узнал. Естественно, к тому времени по экранам страны прошли фильмы «Ключи от неба», «Королевская регата», «Дайте жалобную книгу», которые сделали его знаменитым.

Александр Ленков. Народный артист.

Мы немного повяясняли родственные связи, и пришли к выводу, что какие-то мы троюродно-четверрод-

ные братья. В общем, пятая вода на киселе.

А потом долго говорили о жизни, о театре.

И до его кончины не расставались, созванивались. Я при первой возможности бывал у него в театре. Он же на моих концертах, практически не бы-

В фильме «Ключи от неба»

вал. И это понятно при его загрузке – репетиции, спектакли, съемки в кино, работа на телевидении, озвучивание мультфильмов, кино и электронных игр, курс актерского мастерства во ВГИКЕ. Это не полный перечень его нагрузок. Вздохнуть-то некогда, не то, что на концерты ходить.

- Ты родился в семье технарей. И вдруг театр. Как и почему?

- Мама преподавала математику. А папа работал на засекреченном заводе инженером-ракетчиком. Они меня видели исключительно интеллектуалом и инженером.

Но когда мальчик учился в четвертом классе, в школу пришла представительница театра имени Моссовета, которая искала юного актера для спектакля «Студенты третьего курса». Вот режиссер Инна Александровна Данкман меня и выбрала.

- А потом был второй спектакль?

- Да, это был спектакль «Кража» по Джеку Лондону, где роль моей матери сыграла Вера Петровна Марецкая.

- И ты остался в театре?

- Я просто влюбился в театр. Даже во дворе устраивал кукольные спектакли и носился по улицам с кинокамерой - снимал собственные фильмы, которые называл «Киностудия «Леньфильм»».

После школы хотел стать кинооператором, но во ВГИК на этот факультет оказалось поступить сложнее, чем в театральный вуз. К тому же в тот год народный артист СССР Юрий Завадский набирал студентов в студию при ставшем мне родным театре Моссовета. Юрий Александрович соглашался преподавать не чаще чем раз в десять лет.

- Уникальное событие!

- Вот именно! И я подал документы в студию, а после окончания навсегда остался в театре.

- Каким был твой двор?

- Я иногда прохожу его. Раньше это была улица Москвина, теперь – Петровский переулок, недалеко от филиала МХАТа. Во дворе – милиция, гаражи. Помню, как после войны там стояли разбитые трофейные машины. Мы в них играли. Там же, в этом дворе, я устраивал кукольный театр для детей. Растягивалось одеяло, и мы играли пьесы.

Помню, как мужики грабили какую-то мастерскую, и мы, дети, вместе с ними тоже полезли туда. Домой принес рулон клеенки и молоток. А отец заставил меня пойти и ночью все положить на место. Я плакал, боялся, но все отнес. Может, эта мастерская была и заброшенная, никому не нужная. И «мужиками» двадцатилетние ребята были только в моем детском представлении. Но они ведь сбивали замок, они влезали в окно! Это была страшная и жуткая история. Я потом на этом примере понял, насколько ребенок восприимчив ко всему – и хорошему, и дурному. Он может быть из самой идеальной семьи, но когда рядом толпа, охваченная безумством, он идет за толпой. Это все – мои университеты.

- Помнишь свою первую сигарету или рюмку водки?

- Не случилось. Родители, упреждая встречу с этими соблазнами, говорили:

- Хочешь курить – кури.

И я попробовал, но мне не понравилось. Ну, а водка в нашем доме стояла на столе всегда, как перец, соль, уксус. Хочешь – пей. Ну, я же не запал на уксус или не нюхаю соль. Не было запрета! И до сих пор пью в меру. Иногда, на нервной почве, правда, случалось, слегка перебрать. Ненавижу себя тогда, и голова потом болит. А если еще и спектакль недалеко... Ты в такие моменты – не хозяин на сцене. Это ложное впечатление, будто под рюмочку легче играется. Отвратительно играется! К тому же неловко, если кто-то из партнеров заметит.

- Когда встретил свою первую любовь?

- Первая любовь часто связана не с реальным человеком, а с неким романтическим образом. Когда я в десятилетнем пришел в театр, мне очень понравилась одна актриса. Я влюбился в нее, как можно влюбиться в образ, картину или статую. Это было детское, платоническое чувство. Она вызывала у меня эстетическое удовольствие, ну, а теперь я понимаю, что мальчик довольно хорошо чув-

В фильме «По секрету всему свету»

В фильме «Тайна Снежной королевы»

ствовал прекрасное – актриса и впрямь была красавицей. Она играла Нину в «Маскараде», младшую сестру в «Короле Лире». Это роли, которые должны исполнять самые красивые актрисы.

Была история в школе. В этом возрасте всем мальчишкам класса, как правило, нравится одна и та же девочка. А я, придя к ней в гости, влюбился в ее младшую сестру...

Влюбленности – они все время присутствуют у нормального, не отягощенного проблемами и болячками артиста. И до сих пор мне кто-то нравится. Могу сказать, что, набирая студенток ВГИКа к себе на курс, и оценивая их одаренность, я еще выбирал и типажи. Если мне нравился тип девушки, то она могла попасть ко мне на курс. Но потом, набрав курс, я увидел, что они все очень разные. Не как во «Фридрих Штат Палласе», где все артистки – на одно лицо и с одинаковыми фигурами.

- Что значит для тебя комфорт?

- Мой друг Виталий Соломин, который привел меня во ВГИК, часто говаривал:

- Саша, я хочу, чтобы у меня была комната. Моя! Чтобы я мог туда прийти, и никто бы не покушался на мой беспорядок и мои книжки.

Для меня тоже важен собственный закуток. Но закутка, увы, нет. И на даче собственный угол тоже отсутствует, но там я все-таки могу спрятаться, и домашние понимают, что мне нужно побыть одному.

Способен абсолютно комфортно чувствовать себя в гордом одиночестве на гастролях в каком-то не слишком интересном городе – бывают ведь такие города, где смотреть особенно нечего, или ты уже этот город «прочесал».

Могу, не выходя из номера, читать, рисовать, а то и просто плевать в потолок...

- Есть какие-то вещи, которые тебе много лет дороги?

- Есть, конечно. Но главный критерий – чтобы было уютно и тепло. У меня, например, на даче живет Старый Контрабас. Он, как бегемот, занимает много места, хотя и без него тесновато. Он лежит на боку, функции – никакой. Но он напоминает старое домашнее животное, к которому привыкли.

Или, вот, стоит бочка, на которой лежит доска. Эта бочка служит журнальным столиком. А к стене прикреплена старая линза от телевизора, как память о коммунальках. Это предметы каким-то образом повышают мне настроение.

Например, два колеса от телеги лежат перед входом в дом. Так красиво! Они чистенькие, аккуратные. Мне их привез приятель из деревни.

- Стал садоводом и огородником? Как складываются отношения с землей?

- Может, если бы у меня была настоящая земля, то я что-то и сажал бы. Я пересадил из близлежащего к участку леса орешник. Студенты ВГИКа подарили яблоньку. На вишне выросла одинокая вишенка, и ее склевали птицы. Есть куст смородины. Его мне всучила тетка на станции в Туле со словами:

- Будешь меня помнить. Воткнешь, и само вырастет!

Воткнул – и, действительно, выросла смородина. Я ее щиплю потихоньку, по полстакана набирается.

Но грядок, с добавлением суперфосфата по лунному календарю у меня нет.

С Михаилом Жигаловым и Андреем Мягковым

Правда, однажды из Симферополя, где был на съемках, привез... конский навоз. Та еще история! Мне наложили навоз в пакет. Он высох и стал почти невесомым. А со стороны выглядел, как стопка то ли блинов, то ли миндальных пирожных. Я летел самолетом, пропускаю свою сумку через рентген. Вижу, как работники аэропорта всерьез заинтересовались содержимым, но проверить не решаются: рожато, вроде, знакомая, ясно, что артист. Коллеги-актеры искренне ждали, что меня спросят, что же это я такое везу, представляли, как потом они полезут проверять, приняв меня за наркокурьера... Но симферопольский навоз благополучно прибыл на мою фазенду, однако урожайность заметно не повысил.

- Что умеешь делать по дому?

- Между прочим, на заре своей творческой деятельности я шил джинсы и пальто! Ведь ничего приличного в магазине купить тогда было нельзя. Тут недавно потрянул стариной – сшил девочкам с моего ВГИКовского курса три юбки из лоскутков. Юбки понадобились для студенческого спектакля «Аленький цветочек». Я увидел, что девицы шить не умеют.

Само собой, терпеть не могу, когда в квартире подтекает кран или скрипит дверь. Именно этим хороший хозяин отличается от плохого: у плохого вода из крана капает, и ему все равно. А хороший – ходит и переживает...

- У тебя множество сыгранных ролей. А приходилось ли тебе играть Деда Мороза?

- Деда Мороза не приходилось, зато приходилось играть Снегурочку. Надо сказать, что моя новогодняя артистическая деятельность началась еще в первом классе. Обучение в ту пору было раздельным, я ходил в мужскую школу, а нашей соседкой по коммуналке была гримерша театра. Я мало годился на роль Снегурочки, так как считался хулиганом, половину уроков проводил в коридоре. Но у соседки была возможность в театре взять роскошный белокурый парик. Вот по благу, благодаря возможности что-то «достать», столь ценной в те времена, я и попал на роль.

Кроме того, мне довелось участвовать в самых престижных в те времена елках в Кремлевском Дворце Съездов. На «главной елке страны» играл Старуху Шапокляк. А Снегурочкой была, ни много, ни мало, Ирина Муравьева. В «Олимпийском» Снегурочкой была Любовь Полищук. Много хороших артистов прошло через новогодние елки.

А в голодные годы, когда в стране было плохо даже с хлебом, я играл положительного персонажа Бублика. Он работал в паре с Вафликом.

- А самый необычный Новый год в твоей жизни?

- Я провел его в метро. Наша компания слишком долго собиралась, до последних минут кого-то ждали и не успели домой. Пришлось прямо в метро открывать шампанское, угощать пассажиров. Больше всего поразило, что в двенадцать ночи в подземке полно народу, люди куда-то, не торопясь, едут.

Для меня стало открытием, что, оказывается, далеко не все празднуют Новый год.

Окончание на с. 16

На сцене театра

С женой Еленой

Окончание. Начало на с. 15

- Ты жил в коммуналке. Какой она тебе запомнилась?

- Коммуналка... Я только теперь понял, насколько это была сложная система взаимоотношений. Семь семей, один туалет на всех. Кухня, где готовят обеды-ужины и моют детей. Сандуновские бани, куда мы с мамой, прихватив таз, ходили раз в неделю. Потом, когда я вырос, и меня нельзя было пускать в женскую баню, стал ходить в баню с папой.

В коммуналке детям было раздолье: мы ездили на велосипедах по коридору. Это были в одном флаконе и детский сад, и «мои университеты», потому что в коммуналке время от времени пытался вешаться один из жильцов. Это был буйный хулиган. Его забирали в милицию, иногда сажали в тюрьму, он возвращался, устраивал драки, скандалы и снова вешался. Причем, всякий раз – по-настоящему: взрослые обитатели квартиры вышибали дверь туалета и вынимали его из петли.

Была у нас тетя Циля, которая расписывала пуговицы и этим зарабатывала.

Зато в нашей коммунальной квартире жила актриса театра Полина Афанасьевна Бибикина. Именно она предрекла, что я стану артистом.

Один из соседей был личным водителем какого-то крупного спортивного босса.

У нас жила заведующая универмагом, которая постоянно приносила домой списанные хрустальные вазы. У нее была масса ваз, и она их продавала.

Но дети жили дружно, весело. Не чувствовали, что это коммуналка, а скорее ощущали себя одной большой семьей.

- А как ты относился к себе любимому?

- Я себе в юности не очень нравился. Все эти комедии - «Ключи от неба» и так далее - ходит такой милый мальчик. Я с ним все время боролся. С возрастом я себе стал нравиться больше. У меня появились более интересные роли, и Шекспир, и Островский, и Теннесси Уильямс.

- Ты все время занят. С тобой иногда приходится общаться на бегу.

- А иначе я не представляю актерскую жизнь. Что же сидеть и ждать какого-то восхитительного предложения от гениального режиссера? Жизнь пролетает быстро. В ней многое непонятно, и хорошо, что непонятно, а когда все ясно, как на транспаранте, то скучно.

- Ты почувствовал себя взрослым в театре?

- Нет. Однажды женщины в Сандуновских банях, куда я ходил вместе с мамой, ей сказали:

- Оля, ты своего не води уже: он на женщин реагирует.

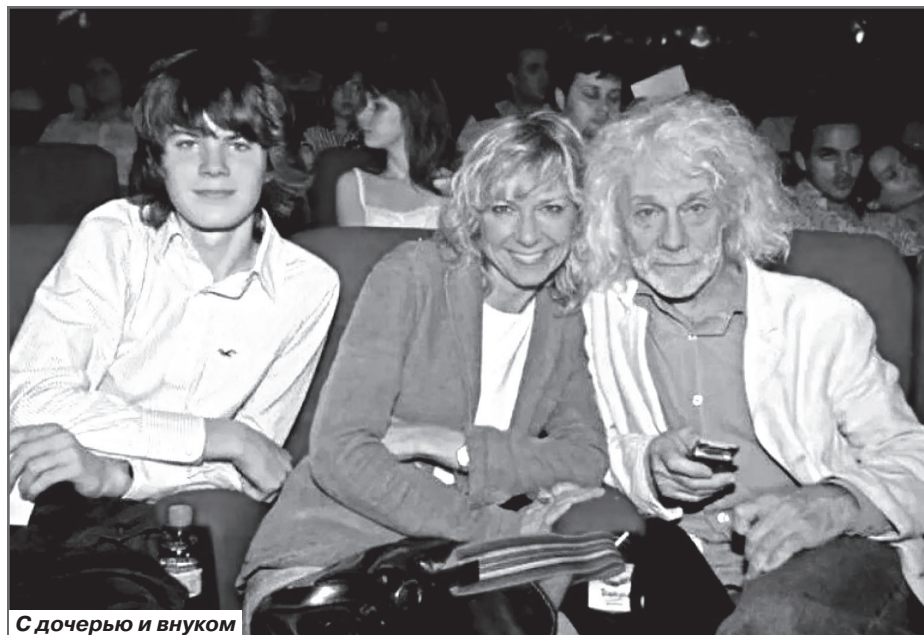
Я посмотрел себе ниже пояса и понял, что стал взрослым.

- С тех пор, как не стало Юрия Александровича, прошло уже много лет. Каким ты его запомнил?

- Для меня он на всю жизнь остался инопланетянином. Он был из другой жизни, с другой планеты, как в фильме «Аэлита», где он играл марсианина, помнишь? Когда он шел по улице, на него смотрели с открытыми глазами, но не так, как смотрят сегодня зевки на звезд,

С дочерью Екатериной

С дочерью и внуком

а так, как будто он был не с планеты Земля, а откуда-то оттуда.

Студия Завадского была прекрасной школой. Все педагоги были набраны лично им.

- Теперь ты уже сам ведешь свой курс во ВГИКе. Чему самому главному учишь студентов?

- Я хочу, чтобы из стен института они вышли «голубыми беретами»: умели жрать лягушек, умели ориентироваться в пространстве – где юг, где север, - чтобы выжить. Хочу, чтобы они умели делать все: пластично двигаться, хорошо озвучивать кино. И должен сказать, что ребята у меня талантливые, почти все они сейчас задействованы в театральных проектах.

- Более полувека ты служишь в Театре Моссовета. Не надоело?

- Я однажды посмотрел свою трудовую книжку - там так скучно: «Поступил в Театр Моссовета в 1964 году» - и все. Слава Богу, что, кроме театра, у меня есть съемки в кино, ВГИК, озвучивание мультфильмов и так далее, иначе бы я волком завыл. Я ведь хитрый: я здесь значусь, но хожу на длинном поводке.

- Не могу не спросить о картине, которая принесла тебе огромную популярность – о фильме режиссера Игоря Добролюбова «По секрету всему свету».

- Это один из моих любимых фильмов с моим участием. Несмотря на то, что этой киноленте уже много лет, как ни странно, она до сих пор любима. На рынках, на пресловутой «Горбушке» фильм пользуется популярностью, его покупают и смотрят, я думаю, потому, что «По секрету...» - картина о школе, о дружбе. Когда мы ее снимали, мы не думали, что готовим серьезное кино, которое проживет так долго. Было что-то несерьезное: про школу, про мальчишку, которого, кстати, я не очень и любил. Я про главного героя говорю – Станкевича. Он был хулиганистый, непослушный, избалованный, его на площадке не очень долюбливали, потому что он был «гаденыш». Лучше, когда артист послушный.

- Ты можешь назвать себя счастливым человеком?

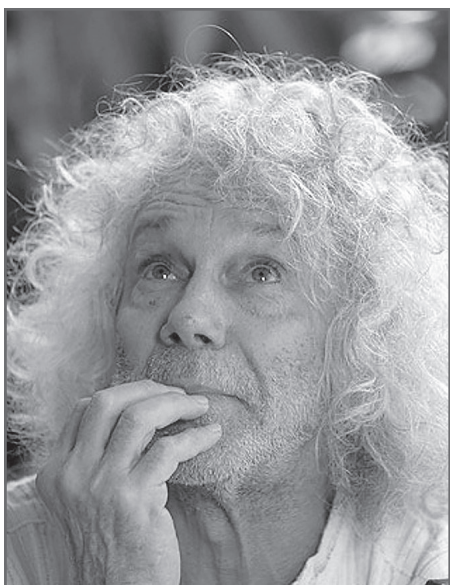
- Счастливым? Ну... Мне интересно! Интересно жить. Сколько мне лет? Трудно сказать. Иногда сказать, сколько мне лет, мне бывает неловко. Иногда я ощущаю себя молодым человеком. Со студентами я общаюсь на равных. Конечно, не допускаю панибратства, но мы с ними одна семья. Я чувствую себя очень молодым и увлеченным жизнью человеком. Может, это какое-то отклонение?

- Тебя часто называют клоуном. Не обижаетесь?

- Нет, конечно! Правда, в чьих-то устах это звучит пренебрежительно, а в других с восторгом – клоун!

- Цирковые люди редко допускают в свой круг посторонних, а тебя, я знаю, приглашали даже на работу.

- Ты не поверишь, но меня приглашали даже в балет. У нас в театре был спектакль «Король-Фанфарон». Я играл До-ре-ми – человека-колокольчика. Режиссер, дочь Соломона Михоэлса Нина, придумала мне своеобразный пластический рисунок: мой персонаж должен был много двигаться и танцевать. Пригласили даже профессионального балетмей-

стера – педагога Большого театра. И она мне как-то сказала:

- Саша, а вы не хотите бросить драматический театр и перейти в балет? Я вам гарантирую несколько лет работы.

Ну конечно, речь шла о характерных персонажах, а не о героях. Я не спал ночей. Понимал, что это не жест, а серьезное предложение. Но все же остался.

- Откуда у тебя такое мастерское владение телом? Спорт?

- Не могу сказать, что всерьез им увлекался. Если и занимался, то «извращенным» видом – велосипедом. Гонял по треку, был разрядником. Но педагоги в театральной студии, увидав мою сутулую фигуру (а это нужно было для обтекаемости при езде), закричали:

- Никаких велосипедов!

Пришлось бросить. Но пластике нас учили по-настоящему. В том числе мейерхольдовской биомеханике. С нами работал знаменитый Зосима Злобин, который занимался пластикой в Театре Всеволода Мейерхольда! Все наши студенты умели делать сальто, кувыряться через стол, на плечах друг у друга стоять. Можно, конечно, стоять на сцене столбом и «вещать». Но это не мой театр.

- В том, что ты остался в драматическом театре и не пошел в балет, наверное, сыграли свою роль стены знаменитого Театра Моссовета?

- Конечно! Этот театр надо воспринимать не только, как данность, но и с учетом «глубины веков». Он всегда был богат уникальными артистами, я многих из великих помню, близко с ними общался. Верь или нет, но я спал на коленях у Веры Марецкой! Дело в том, что еще мальчишкой я вместе с театром ездил на гастроли, и меня, жалея, сажали не в общий автобус, а в машину к примадонне.

Были встречи с Любовью Орловой, Фаиной Раневской, Ростиславом Пляттом, Юрием Завадским. Кстати, я неоднократно бывал дома у Юрия Александровича, и он даже подавал мне пальто. Это был его «кураж», «примочка»: он всем своим студентам подавал пальто. И я сейчас так поступаю со своими студентами. Может быть, и они будут когда-нибудь также вести себя со своими учениками.

- Говорят, в твоём театре практически нет склок и интриг, это правда?

- Да! У нас интеллигентная, добрая обстановка. Она сохраняется до сих пор, может быть, стены ею пропитаны. Здесь нет склочной, разборочной атмосферы.

- Все моссоветовцы всегда с любовью и улыбкой вспоминают о Фаине Георгиевне Раневской.

- О да! У нее была какая-то особая метода существования. Она, например, всегда приезжала задолго до спектакля со своей собачкой по имени Мальчик. Это был целый спектакль под названием «Приезд Раневской». Все разбежались по щелям, боясь попасться ей на глаза. Она была остроумна и порой даже злоязыка.

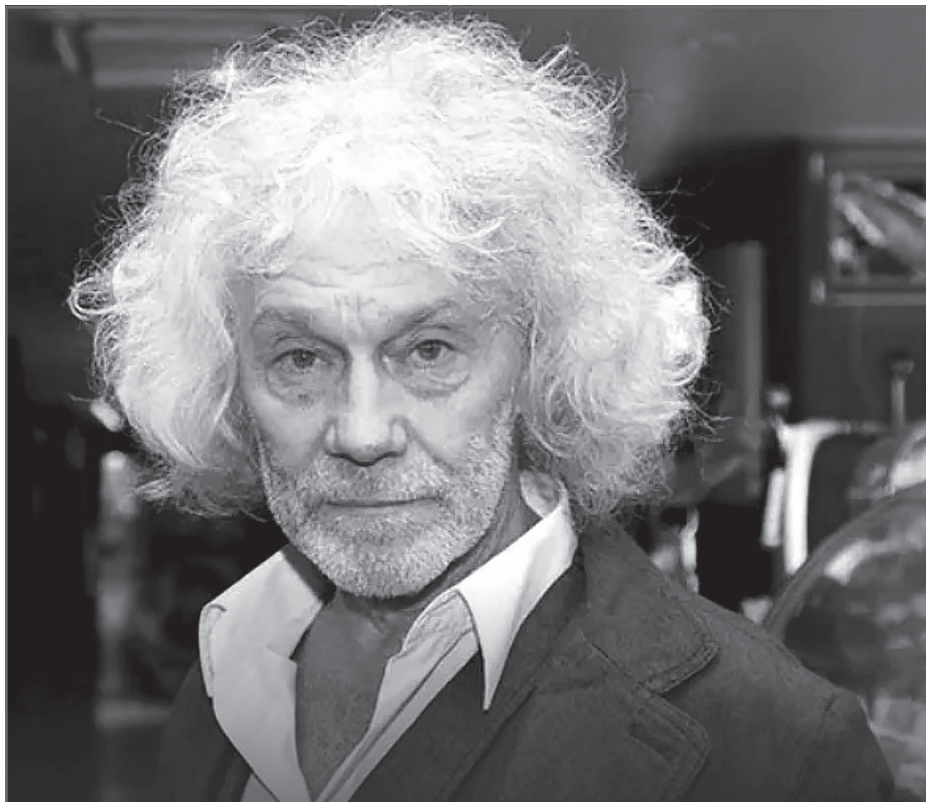
А Плятт всегда настраивал себя перед спектаклем на озорной лад. Он перед выходом на сцену травил анекдоты, любил, чтобы его слышали молодые артисты. Причем анекдоты были довольно смелые. Именно – смелые, а не сальные. У Плятта сальных быть не могло! Они были приготовлены «на чистом сливочном масле».

А вот Любовь Петровна Орлова была тайной, ее толком никто не знал. Она была настоящей звездой, появлялась в театре только перед самым спектаклем. Иногда она приходила к нам, студентам, на мастер-классы. Но не репетировала – думаю, что она этого делать и не умела, а просто разговаривала. И когда кто-то из студенток спрашивал о секретах ее подтянутости, она отвечала:

- Девочки! Если вы себя плохо чувствуете, не появляйтесь в театре. Вот весь рецепт!

Но так могла поступать только она.

Истоки театра Моссовета – это моя подпитка. На этой сцене нельзя халтурить. Я очень люблю всякие ношенные вещи из гардероба нашего театра. Они более живые, что ли. И вот однажды на какой-то спектакль примерял старые ботинки, посмотрел внутри, там наклейка «Плятт». Вот вам и гамлетовская связь времен.

- Тебе не жалко ушедших блистательных спектаклей вашего театра?

- Конечно, грустно, что ушедшее не воротить. Но как можно представить себе других актеров в спектакле «Дальше – тишина»? Это ведь и история самих Плятта и Раневской. Мы смотрели спектакль и понимали, что у них вряд ли будет еще работа. В довесок к классному материалу на сцене были уникальные актерские личности. Вторых составов в таких спектаклях быть не может. Я с грустью, но достаточно холодно отношусь к тому, что ушло, к старым спектаклям в частности. Наверное, как и каждый человек, – к своему прошлому. Я даже иногда боюсь встреч с «героями» моей молодости.

- В тебе есть особая актерская черта – запоминаемость в любой даже маленькой роли. Это актерская техника или просто дано Богом?

- Я на этот вопрос отвечаю просто: займись я любой другой профессией,

и в ней я всегда что-нибудь придумывал бы.

Как-то раз на помойке Театра Моссовета нашел выброшенный шкаф, разобрал и из его досочек сделал свой шкаф. Никто не верит, думают, что это старинное изделие.

Сашу Ленкова однажды назвали «русский Чаплин». Он переиграл множество ролей в театре, кино и на телевидении. Ставил спектакли как режиссер.

Нет маленьких ролей – есть маленькие актеры. Эти слова вполне можно отнести к Саше. Каждое его появление на экране, даже в небольшом эпизоде, придавало фильму особую достоверность, надолго оставалось в памяти зрителей.

А еще он умел делать все – и кран починить, и шкаф собрать, и дерево посадить, и дом построить, и юбку сшить. Не зря же все и в театре, и на съемочной площадке, да те, кто знал и общался с ним в жизни говорят – незаменимый.

Могила Александра Ленкова